

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ ИМЕНИ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО»

Научно-просветительский центр по изучению русской культуры
Луганщины

**ФЕНОМЕН РОДНОГО ЯЗЫКА:
КОММУНИКАТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ,
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ, ФИЛОСОФСКИЙ И
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

сборник научных статей III-й Международной научно-практической
конференции (19 февраля 2026 года)

Луганск
2026

УДК 811.161.1+81`271
ББК 81.2Рос+81.2–7
Ф42

Рекомендовано к печати по решению научно-методической комиссией федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского».
(Протокол № 10 от 22.06.2026)

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор И. П. Зайцева (отв. ред.);
и.о. проректора по научной работе Академии Матусовского В. В. Яковлева;
и.о. заведующего кафедрой русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин Академии Матусовского, доктор филологических наук, профессор В. Ю. Пустовит;
зам. руководителя Научно-просветительского центра по изучению русской культуры Луганщины А. А. Чернов;
методист первой категории научно-методического отдела Е. О. Харьковская.

Под общей редакцией **И. П. Зайцевой**

Ф42 **Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сборник научных статей III-й Международной научно-практической конференции (19 февраля 2026 года) / отв. ред. И. П. Зайцева.** – Луганск: Изд-во Академии Матусовского, 2026. – 166 с. – Текст: непосредственный.

В сборник вошли научные статьи, подготовленные на основе докладов, которые были представлены на III-й Международной научно-практической конференции «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты», состоявшейся в Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского 19 февраля 2026 года в преддверии Международного дня родного языка.

Адресован прежде всего представителям филологической науки – как реализующим себя в практике преподавания, так и тем, кто в большей степени причастен к науке академической; однако представит интерес и для специалистов иных гуманитарных областей – культурологов, социологов, психологов и философов, – включая междисциплинарные научные направления.

УДК 811.161.1+81`271
ББК 81.2Рос+81.2–7

© Академия Матусовского, 2026
© Коллектив авторов

ФЕНОМЕН РОДНОГО ЯЗЫКА

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

БЫКОВА Е. В. Слово в мире медленном и в мире быстром	5
МЯКШЕВА О. В. Термины «русский государственный язык» и «русский родной язык» в официальных документах и современных речевых практиках: истолкование и использование	9
БУРОВА Г. П., БУРОВ А. А. Чтение беллетристического текста как фактор формирования современного русского коммуникативно-риторического идеала	14
РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ, ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА	
БАСИРОВ Х. Х. Родной язык как носитель культурной памяти в художественных произведениях различных жанров	22
БРЫСИНА Т. Н. О структурно-семантических особенностях связочно-именных определённо-личных предложений	25
ВОЛОДИНА И. В. Детское словотворчество в родном языке	28
ВОРОНИНА Л. В. Девиации языкового стандарта в современной интернет-коммуникации: лингвокреативы vs регулятивы	33
ГАРГАНОВ И. В. Автопереводы лирических стихотворений Владимира Набокова: своеобразие подхода билингва	36
ГАУЧ О. Н. Концепт «Жилище»: лингвокультурологические аспекты исследования	42
ДАРЕНСКИЙ В. Ю. Чтение как духовное упражнение	45
ДРУЖИНА Н. Л. Лингвокультурный конструкт «Muttersprache»: от сакрализации до деконструкции	49
ЗВЁЗДОВА Г. В. О взаимообусловленности языкового времени и ментальности в родном языке. народный календарь	52
ИЩЕНКО Н. С. Литература как пространство эмоционального обмена	58
КАБИРОВА А. А., САЛПЫКОВА И. М. Календарные праздники как средство формирования этнокультурных ценностей в ДОО (на примере Республики Татарстан)	63
КЛЕЙМЕНОВА В. Ю. Родной язык как фактор культурной идентичности в эссе И. Бродского «In a Room and a Half»	67
ЛЕОНЕНКО А. С. Культура чтения как индикатор социокультурного развития общества	71
ЛИТВИНОВА Н. Б. Полифункциональность чтения художественного текста в междисциплинарном пространстве творческого вуза	74
МАРТЫНОВА В. В. История происхождения и функционирования слова «рубль» в языке и культуре русского народа	78
МЕНЬШИКОВА Е. Э. Культурно-исторические аспекты исследования слова «кувшин» в русском языке	80
НИКИТИНА Л. Б. Родной язык и речевая культура глазами современных студентов-филологов	83
НОВИКОВА В. В. Чтение в современной культурной парадигме: между социальным кризисом и индивидуальным творчеством	87
ПРИБЫТКОВА Д. А. Проявление категории комического в декадентском романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»	90

ФЕНОМЕН РОДНОГО ЯЗЫКА

ТУРКОВСКАЯ Е. В. Концепт «Родной край» в английской и белорусской лингвокультурах	95
ТУТОВА В. С. Проблема определения термина «родной язык» в современном языкознании и смежных гуманитарных дисциплин	99
ЧЕРНОВ А. А. Код родной речи в лирике Владимира Смоленского	103
ЧЕРНОШТАН О. Н. Угрозы информационного шума для усвоения родного языка поколением цифровых аборигенов	110
ЧИКАЕВА Т. А. О некоторых направлениях исследований русского языка участниками международной научной конференции «Образ Родины: содержание, формирование, актуализация»	114
ШУМЕЙКО О. И., БЕЛЯНСКАЯ А. Р. Аббревиатура как особая разновидность безэквивалентной лексики	118
ШУТОВА Л. И. Особенности формирования языковой личности в условиях информатизации общества	122
ФАКТОР РОДНОГО ЯЗЫКА В ОБУЧАЮЩЕ-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ	
БАРЕБИНА Н. С., ПАХОМОВА Л. В., РУЛЬКОВ А. Я. Родной язык как когнитивная опора в процессе обучения творческому письму на иностранном языке	127
БАРЕБИНА Н. С., ШИРИ-САНАА Д., ТАГИЕВ М. И. Способы формирования навыков аналитического чтения с применением форматов научно-популярного жанра литературы	130
БОБЫЛЕВА Л. И. Методическая типология трудностей усвоения иноязычной лексики как основа корректного тестирования	135
ЕРЕМЕЕВА Ю. А. Использование искусственного интеллекта в преподавании русского языка как иностранного	139
ЗАЙЦЕВА И. П. Работа с детективным текстом на факультативных занятиях по русской словесности как способ повышения интереса к чтению	143
КОЛЧИН С. А. Эссе-рассуждение о занятиях по русскому языку как одно из средств обратной связи студента и преподавателя	148
ЛИТВИНЕНКО Ю. Ю. Круг обязательного детского чтения	151
МИШИНА Н. А., НЕФЁДОВ И. В. Русскоязычные креолизованные тексты и трудности их декодирования инофонами	156
Сведения об авторах	162

3. Звездова, Г.В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах / Г.В. Звездова : дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.01. – Липецк, 1996. – 399 с.
4. Звездова, Г.В. Традиции временной картины мира в русском и монгольском народном календаре: монография / Г.В. Звездова, Алтанцэцэг Даяндорж. – Липецк – Улаанбаатар, 2013. – 156 с.
5. Камчатнов, А.М. Лингвистическая герменевтика: на материале древнерусских рукописных источников / А.М. Камчатнов. – М.: Прометей, 1995. – 165 с.
6. Колесов, В.В. Древнерусский литературный язык / В.В. Колесов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. – 294 с.
7. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб: Петербургское востоковедение, 2007. – 608 с.
8. Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 444 с.
9. Кругликов, Р.И. Принципы детерминизма и деятельность мозга / Р.И. Кругликов. – М., 1988. – 221 с.
10. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф.: Труды по языкознанию / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.
11. Лосев, А.Ф. Проблемы вариантного функционирования поэтического языка / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. – СПб.: Алетейя, 1997. – 614 с.
12. Миронова, Т.Л. Уроки русского: русская душа, русское слово, русский характер. – М.: Книжный мир, 2017. – 509 с.
13. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 939 с.
14. Потебня, А.А. Философия языка и мифа / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
15. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1987. – 782 с.
16. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
17. Современное мифотворчество и искусство: Сборник. – Петрозаводск: Ладья, 1991.
18. Ушинский К.Д. Родное слово // К.Д. Ушинский. Собрание сочинений. Т. 2: Педагогические статьи, 1857–1861 гг. – Москва – Ленинград: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1948. – С. 554–574.
19. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1989. – 814 с.
20. Эстетика и поэтика: Сборник / А.А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

УДК 130.2

*Н. С. Ищенко,
г. Луганск*

ЛИТЕРАТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОБМЕНА

Современное общество существует после визуального поворота, когда важные социальные смыслы и общественно-значимые эмоции транслируются посредством визуального искусства, кино, телевидения, видеоклипов и так далее, а навык чтения перестает играть решающую роль в развитии личности и литература отходит на второй план. В то же время именно в литературе сложилась парадигма обмена эмоциями, действующая сейчас в любом знаковом пространстве, и изучение литературного пространства является актуальным для определения общих свойств таких пространств и закономерностей их функционирования.

Современная литература как институт начала складываться во второй половине XVIII века в Европе. Классическим периодом современной литературы, до сих пор задающим модели поведения по обе стороны текста, является XIX век, буржуазный век. Как показывает литературовед Т. Д. Венедиктова в работе «Литература как опыт, или “Буржуазный читатель” как культурный герой» (2018), современная литература является институтом, который позволяет читателям и писателям обмениваться личным опытом в ходе эстетической коммуникации.

Опыт – это знание о жизни, приобретаемое ценой времени жизни. Опыт нужнее всего передать другим и в то же время именно личный событийный опыт труднее всего поддается передаче. Этим обстоятельством всегда определялась ценность традиции как способа трансляции коллективного опыта. Однако в современном социуме культурные формы воспринимаются как изменяемые, рождаемые на наших глазах, и потому повышается роль опыта, способного генерировать и транслировать изменения, перестраиваться и включать новые области жизни, памяти и культуры в осмысление, переживание, коммуникацию. Таким образом, личный опыт распадается на две части: общезначимые элементы, передаваемые с помощью традиции, и пребывающий в постоянном обращении быстро обновляемый пластичный опыт текущей жизни.

Именно такой опыт подлежит обмену в рамках литературных институтов. Литература выступает как пространство смыслов, в которое посредством языка включается личный опыт, ставший предметом обмена.

Отношения обмена всегда присутствовали в социальной жизни человека, культура модерна лишь сделала их всеобъемлющими. Если в традиционных обществах обмену подлежат в первую очередь вещи и артефакты, а обмен идеями играет второстепенную роль, то в современных обществах в процесс обмена включаются нематериальные идеи, эстетические ценности, убеждения, память, воображение и фантазия, выраженные в личном опыте.

Обмен опытом в рамках литературы базируется на исходном парадоксе личного опыта, который литература постоянно пытается разрешить. Этот парадокс был замечен еще Дж. Локком, обосновавшим эмпирическое познание мира и порождение опыта из простых идей на основе собственных наблюдений и переживаний каждого человека. С одной стороны, такой опыт доступен каждому, любой человек может его создавать. С другой стороны, если опыт является личным, то он не является значимым для других. Никто не обязан им интересоваться, впускать его в свою жизнь, тратить на него свое время. Личный опыт дает человеку доступ к любым идеям и тут же ограничивает человека рамками его личности [2, с. 35]. Поиском основы для коммуникации и занимается постоянно литература, которую в рамках современной герменевтики можно понимать как постоянный кризис и обновление способов передачи личного опыта [2, с. 36].

В литературе XVIII – XX вв. вырабатываются новые способы обмена опытом, где ресурсом для обмена становятся переживаемые эмоции. В литературной деятельности, как в написании книг, так и в их чтении, эмоции социализируются, приобретают такую форму, в которой они могут участвовать в социальном обмене, идущем в буржуазном обществе в разных сферах культурной жизни [2, с. 41].

Всеобъемлющим инструментом обмена в таком аспекте становится язык. В традиционных обществах язык как средство коммуникации используется в замкнутых общностях ради целей, освященных традицией. В обществах модерна и постмодерна цели коммуникации устанавливаются в ходе самой коммуникации. Такая открытая коммуникация несет новые риски, но и новые возможности [2, с. 45–46]. Непредсказуемость целей не дает гарантии достижения цели, не позволяет заранее планировать свое поведение и затрудняет реализацию заранее выбранной стратегии. В то же время способность включать новый опыт в собственные планы, корректировать на его основе имеющиеся цели и использовать его для реализации своих планов обогащает человека как личность, предоставляет ему горизонт разных стратегий и спектр различных возможностей, закрытых ранее.

Таким образом, в литературах модерна и постмодерна всегда присутствуют три элемента эстетической коммуникации: индивид, осознающий свой личный опыт как ценный ресурс, динамичная коммуникация, цели которой определяются в ее процессе, и язык как контактная среда и пространство творчества [2, с. 46]. Взаимосвязь всех элементов литературного процесса осуществляется на основе личного опыта, обогащение которого становится целью коммуникации, влияет на язык и формирует пространство литературного

общения между читателем и писателем посредством текстов, выступающих как среда функционирования и формирования языка.

Проблема определения текста актуализировалась в XX веке, и решалась она с помощью разных методов, самым плодотворным из которых в историческом плане казался структурно-лингвистический, позволивший поставить проблему и наметить подходы к ее решению, и структурно-семиотический, связывая проблему текста с проблемой знака. Теория текста становится системообразующей философской дисциплиной в работах постмодернистов Р. Барта, Ж. Бодрийера, Ж. Делёза, М. Фуко, У. Эко. Значительный вклад в разработку философской категории теории текста внесли М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман и другие.

Анализ текста в философии указанных мыслителей проводит Е. А. Капичина, и делает вывод, что проблема текста находится в центре внимания философов-постмодернистов XX века. Их разнообразные подходы имеют общую имплицитную основу, а именно: текст понимается как семиотическая инвариантная система, состоящая из знаков и требующая специальной интерпретации. Как таковой текст является логико-диалогической формой существования культуры. Произведение же отличается от текста, основывается на индивидуальном понимании автора и авторской интерпретации [3, с. 255].

Индивидуальные интерпретации авторских текстов создаются в группах людей, которые знакомятся с текстом и читают его на основе своего личного социального и эмоционального опыта. Исследователь групп и группового поведения Р. Брубейкер понимает под группой «внутренне взаимодействующий, взаимно и сообща признающий, имеющий общую направленность, эффективно коммуницирующий ограниченный коллектив, который обладает чувством солидарности, корпоративной идентичностью и способностью к согласованному действию» [1, с. 32]. Такие группы как акторы в социальном поле существуют не постоянно. Они проявляются и действуют в короткие периоды мобилизации, вызванные сильным чувством коллективной солидарности, что происходит ситуативно [1, с. 31]. В случае появления групповой солидарности индивиды осознают свою принадлежность к группе, эта принадлежность оценивается эмоционально, вызывает сильное вовлечение в ситуацию и провоцирует индивида на действия, подтверждающие его групповую идентичность.

Идентичность представляет собой осознание человеком своей принадлежности к какой-либо культурной группе. Идентичность проявляется в усвоении языка, обычаев, религии, способов мышления, практик, горизонта творчества, навыков коммуникации, свойственных этой культуре. Идентичность индивида возможна на основе понимания его принадлежности к определенной социальной группе, имеющей свое место в социокультурном пространстве [4, с. 44].

В настоящее время доминирует представление о том, что группы не являются данностью, не сводятся к биологическим и социальным явлениям, а конструируются индивидами в повседневной социокультурной практике на основе общей идентичности. В современной философии считается, что «у акторов есть много противоречащих друг другу способов обрести идентичность» [5, с. 36], то есть индивид может сконструировать групповое сознание разными способами и присоединиться к целому ряду групп, конкурирующих между собой в социокультурном поле.

Формирование культурных групп происходит на основе группового самосознания, под которым понимается «эмоционально нагруженное чувство принадлежности к отдельной, ограниченной группе, включающей как осознанную солидарность или единство с другими членами группы, так и осознанное отличие от определенных чужаков и даже антипатию к ним» [1, с. 99]. Групповое самосознание выполняет дифференцирующую функцию, отделяя группу от окружающих, формируя разделение на «мы» и «не-мы», а также создает конкретное наполнение образа «мы», показывая, чем избранная группа отличается от остальных.

Общность в группе как воображаемом сообществе формируется на основе некоего культурного текста, источника принуждающих публичных нарративов, кодирующих события социальной жизни. Такой текст знаком всем участникам группы, является для них предметом интерпретаций и выступает средством коммуникации внутри группы. С помощью такого текста создается групповое сознание. Текст способен конструировать общность в группе только в том случае, если индивиды потратили какое-то время на его изучение и создание интерпретаций, имеют о нем какое-то представление, подтвержденное личным опытом и сформированное на основе индивидуальных эмоциональных переживаний.

Человек, индивидуально переживающий, интерпретирующий текст, тем самым включается в группу, объединяющую его автора и других читателей/интерпретаторов. Такая группа существует рассредоточенно, в мерцающем режиме, не постоянно. Потеря интереса уводит человека из группы, новый всплеск интереса из-за моды или появления новинки на культурном рынке заставляет вернуться в группу. Действия, которые индивид предпринимает в данном случае, могут касаться отношений не только с ядром группы, но и с внешней по отношению к группе семиотической среде, что зависит от реляционных отношений в группе.

Таким образом, общность создает не сам текст, а его восприятие индивидами, их хотя бы частичная вовлеченность, влияющая на формирование группового самосознания. Эмоциональная вовлеченность может быть экзистенциальной и инструментальной. В первом случае текст используется для создания себя и формирования своей личности, во втором – для изменения своего социального статуса в рамках данной группы и успешных манипуляций. Оба способа интерпретации накладываются друг на друга и сосуществуют в одном культурном пространстве.

Реляционные отношения между людьми в группе являются личными отношениями в коллективе. Они возможны в малой социальной группе, где все знают друг друга лично. В больших городах, в культуре постмодерна, реляционные отношения становятся виртуальными, но не теряют от этого своей действенности. Виртуальность отношений подразумевает использование технических средств информационного и цифрового пространства для создания связей между людьми. И хотя виртуальные отношения могут пережить стадию развиртуализации, это не обязательно для возникновения группового сознания. В информационном пространстве человек также создает свой образ и имеет свою ярко выраженную индивидуальность. Виртуальные отношения в информационном пространстве вовлекают индивидов эмоционально, позволяют реализовывать разные поведенческие стратегии, имеют свои ритуалы социализации, то есть выполняют те же функции и приводят к тем же результатам, что и реляционные отношения в малых социальных группах-коллективах, и таким образом способствуют формированию группового самосознания.

Групповое самосознание в современном культурном пространстве имеет два основных режима функционирования: мобилизационный и повседневный. В мобилизационном режиме группа осознает себя как сообщество, занимающее особое место в культурном и социальном пространстве, и предпринимает действия для достижения своих целей. Это происходит путем формирования активистов, общественных деятелей, духовных и культурных лидеров, представляющих группу в культурном пространстве. В повседневном режиме рассредоточенная группа не проявляется себя как субъект действия, остается объектом воздействия различных культуртрегеров, по-разному отвечая на их инициативы. В этом режиме группа предстает как среда, которая усиливает или заглушает полученные сигналы.

Таким образом, в своем функционировании группа явно делится на два структурных элемента – активистское ядро и культурную периферию. К ядру группы относятся люди, для которых их эмоциональная вовлеченность в текст и связанные с текстом события становятся заметным фактором личного выбора и индивидуального поведения. Эти люди добиваются и получают доступ к новинкам, самым модным и интересным явлениям в своей культурной группе, или сами продуцируют их. Это в первую очередь авторы, создающие произведения,

продюсеры, режиссеры и арт-дилеры, владеющие информацией и регулирующие доступ к новым текстам, а также актив фанатов, берущих на себя трансмиссию и организацию доступа к созданным культурным ценностям как для периферии своей культурной группы, так и для других культурных групп.

Культурная периферия группы – это индивиды, эмоциональная вовлеченность которых не так сильна, как у актива. У представителей периферии есть и другие интересы, а принадлежность к этой группе не функционирует у них как ядро идентичности. Для культурной периферии культурный текст не является решающим фактором выбора жизненной стратегии, они знают о нем и способны его понять и интерпретировать, но это не такая важная часть их жизни, для них открыты также другие жизненные стратегии и возможности диалога. Такое бинарное разделение по-разному проявляется в социальном действии.

Социальные действия, воспринимаемые всеми членами группы как значимые события, формируют сопринадлежность в группах. Группы-коллективы и рассредоточенные группы мобилизуются для совместных действий по культурным основаниям: для участия в концерте любимого исполнителя, при встрече с писателем, написавшим любимую книгу, во время премьеры нового фильма с любимыми героями. Индивид способен пожертвовать материальными и символическими ресурсами ради подтверждения своей принадлежности группе и своего участия в мобилизирующем событии.

Таким образом, два рассмотренных типа групп не являются независимыми друг от друга. Актив рассредоточенной группы функционирует как группа-коллектив, связанная тесными реляционными связями. Существование в качестве группы-коллектива позволяет активу менять культурную среду и быстро реагировать на важные изменения. Актив создает модели поведения для разных участников рассредоточенной группы, в зависимости от их уровня вовлеченности и участия в трансляции текстов. Текст выступает как место интерпретаций, медиум для воплощения личного эмоционального опыта в понятных для других формах. Система текстов формирует литературное пространство, позволяющее участникам с разным групповым самосознанием коммуницировать по поводу текстов и обмениваться своим эмоциональным опытом посредством текстов. Изучение распространения конкретных эмоций посредством литературы может стать перспективным направлением научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. Пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
2. Венедиктова, Т. Д. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой / Т. Д. Венедиктова. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 271 с.
3. Капичина, Е. А. Философия музыки: от языка – к восприятию: монография / Е. А. Капичина. – Луганск, изд-во ГОУ ЛНР им М. Матусовского, 2018. – 360 с.
4. Кириченко, Л. Г. Культурная идентичность как главная модальность / Л. Г. Кириченко // Педагогика и психология: теория и практика. – 2019. – № 1(13). – С. 41–49.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; пер. с англ. Ирины Полонской. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.